

СВОЯ ПОХОДКА

В Иркутске есть хороший театр для детей — вот главное и радостное впечатление от колллектива, завершившего свои гастроли в Москве. Приятное тем более, когда знаешь, что в общем с тюзам у нас дела обстоят неважно.

Нравственные ценности, которые утверждает этот театр, для нашего Тюза не новы. На сцене — красноармеец в буденовке, красный комиссар товарищ Вера, председатель ревкома... Вот, правда, герой несколько иного плана — полуголый бродячий актер со странным именем Искремас, а, впрочем, он тоже из почетного племени рыцарей революции — герой популярного фильма «Гори, гори, моя звезда», по сценарию которого поставлен спектакль в Иркутском тюзте.

Одержимый высокой идеей просвещения масс, вдохновенно читает он шекспировский монолог на базаре. И хотя «массы» предпочитают Шекспиру пошленький, но вполне доступный для понимания «Иллюзион», где крутят захватывающую дух историю про «Дрему на пляже», ничто не может остановить романтического героя. Искремас О. Мокшанова продолжает сеять разумное, и уже видны первые всходы; столь же вдохновенно репетирует монолог Жанны д'Арк его сподвижница — взрастшая батрачка, сирота Крыса (З. Задорожная).

Сегодня кое-где в спектакле ощущаешь нотки усталости, что, видимо, неизбежно при

той неустроенной жизни, которую вынужден вести Иркутский тюз. Тем не менее дух праздничности действия, атмосфера театральности из спектакля не ушли. Превосходно, с увлечением разыгрывают «кадры немого кино» В. Токарев, Н. Олькова, В. Куткина и Н. Константинова, артистичен «маленький оркестрик» под управлением В. Соколова, сопровождающий и другие спектакли театра (а многие ли тюзы имеют свой «живой» оркестр?).

Словом, театр не случайно открыл свои гастроли этим спектаклем, поставленным главным режиссером В. Кокориным. Внутренняя патетика Искремаса, конечно, родственна Иркутскому тюзте. Даже обращаясь к сатирической комедии («Чья шинель, товарищи?» Б. Кривошея), к жанру, далекому от высокой патетики, театр все же выводит ее финал на фанфарную ноту. Все верно — революционное прошлое сохраняется для нас значение нравственного эталона. Но в продолжение всего спектакля, поставленного также Кокориным, нас не раз удивляет однозначность, упрощенность разговора, когда жанр спектакля и пьесы то и дело расходятся.

Сюжет в общем несложен: некто Лаушкин по ошибке надел чью-то шинель, и... в него «вселился дух революции». Окружающий мир он видит теперь «проясненным» взором.

Сложная, противоречивая действительность, которую сегодня мы учимся постигать, избавляясь от вчерашних иллюзий, видится Лаушкину из восемнадцатого года простой, распадающейся на две части: по одну сторону революционно-романтические праведники, по другую — мещане, обыватели, стяжатели. Выбор, как видим, невелик и очень далек от реального многообразия жизни.

Есть сегодня в репертуаре театра и еще один спектакль, обращенный к нашему прошлому, спектакль удивительно емкой и неурезанной правды — «Высокое напряжение». Пьеса, написанная Андреем Платоновым в начале тридцатых годов, впервые поставлена Иркутским тюзом. Надо признать, давно мы не слышали, чтобы герои «производственной пьесы» говорили языком такой внутренней энергии и образной силы. Режиссер В. Кокорин и художник В. Никоненко точно воспроизводят приметы эпохи первой пятилетки, ее ритмы. Они — в ударном настрое рабочих Пужанкова (В. Елисеев) и Располова (О. Тулица), в бессонной вахте инженера Крашениной (Н. Когут). И в то же время спектакль не замкнут в своем историческом поле, он открыт во времени, вызывая современные ассоциации и сопоставления. Не перестает удивлять писательская прозрачность Платонова.

Театр щедро отдает свои

симпатии героям прошлого. Так щедро, что, подойдя поближе к нашим дням, неожиданно обнаруживает дефицит душевных ресурсов. Такое впечатление оставляет спектакль «Предместье» (эта пьеса А. Вампилова более известна под названием «Старший сын»), действие которого неспешно разворачивается в какой-то приглушенной среде. Художник В. Никоненко и режиссер В. Кокорин явно жалеют света для пространства этой комедии. Хорошо, сердечно играет Серафанова В. Филимонов, и все же, кажется, спектакль поставлен в тонах, свойственных позднему Вампилову, уже написавшему свою «Утиную охоту».

В «Незнакомке» театр обращается непосредственно к нашим дням, и выбор киносценария Ю. Клепикова обусловлен, вероятно, особой достоверностью материала, когда становится возможным правдивый диалог со зрителем. Девятиклассница Женя полубила, точнее, Женя одарена талантом любви (молодой актрисе Т. Репиной еще не вполне удается поэтическая грань ее героини). Ее «предмет» — Боря (В. Токарев) сидит за соседней партией и в то же время как бы на другом берегу, там, где личные машины, дачи, бассейны и «тряпки», как сказали бы интеллигентные взрослые. Назревает драма. Драма первой любви совпадает с другой

драмой, на почве экономических различий, экономического неравенства — тема сегодня не новая ни для школы, ни для театра юного зрителя. Иркутский тюз от нее не уходит и правильно делает.

Если прибавить к сказанному, что под занавес театр сыграл шекспировскую комедию «Сон в летнюю ночь», то получим картину полнокровного, разнообразного репертуара, который театр предлагает иркутскому зрителю.

Но и это еще не все. Театр показал мистерию Байрона «Каин». Спектакль, поставленный М. Бычковым, стоит несколько особняком, и, по правде говоря, не очень понятно, как сопрягается ее довольно мрачная и не во всем проявленная мысль с достаточно четкой и внутренне гармоничной общей репертуарной картиной этого театра.

В последнее время часто слышишь о том, что тюзовское движение в целом идет на убыль, его гущая пора позади. Разумеется, судить о движении по впечатлениям от одного и притом одного из лучших театров мы остережемся. Что же касается Иркутского тюза, то театр этот очень живой, азартный, самостоятельный, а главное, ясно видит свою перспективу.

Н. ЖЕГИН.